

конных прав и интересов ребенка. Но не всегда реализация законных интересов ребенка соответствует обеспечению его наилучших интересов.

Иллюстрирует это наша многолетняя статистика, подтверждающая обозначенные выше тенденции.

Как я уже говорил, в адрес Уполномоченного приходит каждый год более 4000 обращений. С каждым годом количество выявленных нарушений уменьшается. Это говорит о том, что законные права детей все больше и больше находят свое разрешение в работе органов и ведомств. Но при этом количество обращений не снижается! А вот это как раз говорит о том, что хоть решение было принято в рамках закона, но родители и дети того морального удовлетворения, на которое рассчитывали, не получили. Их ожидания не оправдались. То есть наилучшие интересы не были соблюдены.

И как зарисовка к этому тезису. Выпускник организации для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по окончании 9 классов получает путевку для продолжения образования в системе СПО. В наличии путевки и направления в колледжи технической направленности. А он, может, мечтает стать тренером или художником! С точки зрения реализации законного права ребенка на образование вопросов нет. С точки зрения обеспечения наилучших интересов ребенка – вопросы есть.

Именно здесь мы подходим к основному посылу моего обращения к вам, уважаемые коллеги.

На мой взгляд, задача деятельности Уполномоченного, наряду с исполнением задач обозначенных в федеральных и региональных нормативных актах, это мотивирование, а при необходимости, и понуждение людей, принимающих, безусловно, законные решения в отношении детей, руководствоваться этим принципом. Принципом обеспечения наилучших интересов ребенка. Обеспечением реализации всех принципов Конвенции, о которых я говорил выше.

И пусть это прозвучит немного высокопарно, но это и есть, на мой взгляд, высшая миссия нашего института. Некий морально нравственный вектор нашей деятельности.

П. В. Миков

Уполномоченный по правам человека в Пермском крае

ПРАВА РЕБЕНКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ-2020: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Мы с вами ровно точно так же, как и 75 лет назад, когда мир остановился у грани катастрофы, благодаря, прежде всего, советскому солдату и со-

ветскому офицеру и роли Советского Союза, разгромившего фашизм, сегодня вновь оказались перед новым вызовом: вызовом глобального масштаба. И каким образом мы на этот вызов, связанный с развитием пандемии коронавирусной инфекции, ответим, будут во многом зависеть и наши ценности. 75 лет назад международное сообщество утвердило систему ООН как систему нового миропорядка и гарантий прав человека. Сегодня мы должны достойно, как наши предки, выйти из новой кризисной ситуации.

Несомненно, мы выйдем из ситуации пандемии несколько иными, с измененными международными структурами, поскольку мы ощущаем кризис доверия этим международным институтам. Вроде бы казалось, Всемирная Организация Здравоохранения как международная глобальная организация, которая должна анализировать ситуацию, прогнозировать и принимать необходимые меры для предупреждения распространения пандемии, сегодня уже не пользуется тем доверием, которым она пользовалась во время создания и в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века. Мы видим и определенный кризис иных структур ООН в сфере защиты и обеспечения прав человека. «Коронакризис» подтолкнет к тому, что будет реформирование как системы ООН, так и европейской системы защиты прав человека. Тем не менее, базовые ценности: ценности жизни, приоритет здоровья, приоритет наилучших интересов ребенка, уважение человеческого достоинства, ценности свободы, демократии и толерантности все-таки сохранятся. Система защиты прав человека выдержит испытание на прочность, и базовые ценности прав человека будут и в дальнейшем в центре внимания всех государств.

В 2020 году появились новые вызовы правам ребенка. Давайте посмотрим, насколько отвечала организация образовательного процесса такому принципу, как наилучшее обеспечение интересов ребенка, при переводе образовательного процесса в дистанционный формат весной 2020 года. К сожалению, на первых этапах российская система образования оказалась не готова к столь массовому и широкомасштабному переходу исключительно на дистанционные формы обучения. Это было связано не только с ограниченными технологическими возможностями. Мы не раз становились с вами свидетелями, в разных субъектах Российской Федерации, когда на виртуальные уроки прорывались хакеры, детям вставляли информацию, не относящуюся к их возрасту, например, порнографического характера, рекламную продукцию, (писали) скабрёзные выражения и слова, то есть система технологически оказалась не готова. Более того, не совсем готовым оказалось и педагогическое сообщество, которое по сути дела, думало о том, что уроки в цифровой среде, в дистанционном формате надо

проводить точно так же, как в классе. Мы встретились и с ограниченными возможностями семьи. Никто не подумал о том, а есть ли в многодетных семьях на каждого ребенка отдельный компьютер и есть ли те возможности интернет-связи у семей, особенно проживающих в отдаленной местности, в сельской местности, где обычной телефонной связи, к сожалению, до сих пор на некоторых территориях нет. Конечно, выходы находились: было множество общественных инициатив, например, Советы отцов при Уполномоченных по правам ребенка субъектов Российской Федерации объявили акцию и стали собирать компьютеры, ноутбуки и передавать их нуждающимся семьям. Срочно стали проводить интернет-связь, в том числе в населенные пункты, в которых проживают менее двухсот человек, где есть дети, которые нуждаются в получении образования.

Но, тем не менее, посмотрите реакцию родителей осени этого года. 7–8 ноября почти во всех субъектах Российской Федерации известия о возможном переходе на дистанционное образование снова привело к протестам: и в Москве, и в других субъектах Российской Федерации. Родители прекрасно осознают, что дистанционная форма образования – это не лучшая форма образования для детей. И в этом отношении реакция вылилась на улицы. То же самое происходит сегодня в Европе. Да и объективно мы с вами, коллеги, увидели, что по результатам Всероссийских проверочных работ, которые провел Рособрнадзор, мы увидели, что произошел провал в знаниях детей России, которые заканчивали прошлый учебный год в дистанционном формате. Преодолеем ли мы этот провал или будут только накапливаться эти потери?

Возможно ли в организациях профессионального образования студентов переводить полностью на дистанционный формат? Конечно же, нет! Студентов готовят к тому, чтобы они умели в дальнейшем применять навыки в своей профессиональной деятельности. Навыки формируются руками – на станках, на оборудовании и т. д. Невозможно в теории и по презентации будущего мастера производственного обучения научить передавать знания работать на станке с ЧПУ или готовить на кухне и т. д. Необходимо разумно подходить к организации дистанционного образования и сочетать различные формы образования. Там, где есть возможность, теоретические вещи переводить в дистанционный формат, но практические занятия должны оставаться исключительно в очном формате при соблюдении тех требований санитарной безопасности, которые сегодня предъявляются органами государственного санитарного надзора.

Один из принципов Конвенции о правах ребенка – принцип выживания, обеспечения права на жизнь и развитие. Что случилось с правом на

охрану здоровья в это время: не только в России, но и во всем мире? В первую очередь, все медицинские учреждения были ориентированы на работу с заболевшими, с заразившимися ковидной инфекцией. Плановые приемы, плановые обследования, даже обследования экстренные, не связанные с ковидом, отошли на второй план или были вообще перенесены на неопределенный срок до снятия ограничительных мер. Но ребенок, у которого возникло заболевание или была обнаружена, например онкология, не может ждать, когда закончится пандемия. В этих ситуациях идет счет не просто на дни – на часы. И мы должны обеспечить наилучшим образом интересы маленького пациента и обеспечить право на охрану здоровья. К сожалению, из почты Уполномоченного по правам ребенка и Уполномоченного по правам человека мы видим, что с определенными трудностями родители столкнулись: отказывали и в приеме в поликлиниках, и в госпитализации по иным заболеваниям, помимо ковидной инфекции и т. д.

Право на достойный уровень жизни. Несомненно, российское государство отреагировало достаточно быстро, понимая, что наиболее уязвимы будут семьи с детьми. 7 апреля 2020 года Президент Российской Федерации подписал указ № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». В соответствии с Указом были установлены выплаты по 10 000 рублей детям в возрасте от 3-х до 16-ти лет. Но с чем мы здесь столкнулись? В адрес Уполномоченных по правам ребенка и по правам человека стали поступать справедливые обращения родителей детей в возрасте от 16-ти до 18-ти лет. Конвенция о правах ребенка, Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации все-таки определяют ребенка, как человеческое существо, не достигшее возраста 18-ти лет – возраста дееспособности. И возник вопрос: почему дети от 16-ти до 18-ти лет были лишены мер государственной поддержки и, по сути дела, дискриминированы по отношению к более младшей возрастной группе детей? Федеральный центр порекомендовал субъектам самостоятельно определить меры социальной поддержки за счет средств бюджетов субъектов Федерации возрастной группе детей 16–18 лет.

И в этом отношении возникла еще одна проблема. Когда начали выплачивать по 10 тысяч рублей, не был предусмотрен защитный механизм от злоупотребления правом. Многие, в основном, конечно, отцы детей, которые не живут со своими детьми и не воспитывают их в дистанционном режиме заявление в Пенсионный фонд России подали раньше и выплаты Пенсионный фонд стал перечислять им, а не матерям, с которыми на самом деле дети живут. В лучшем случае отцы из этой суммы в качестве алиментных обязательств стали перечислять средства, в худшем случае просто присвоили их себе.

Далее, с чем еще столкнулись особенно остро. Такой вынужденный переход в цифровое образовательное пространство и в целом в цифровое общение, даже в нашей общечеловеческой жизни, привел к тому, что актуализировались вопросы кибербезопасности детей, обеспечения безопасности детей в цифровой среде. Если мы констатируем о снижении уровня преступности против детей, против их жизни, здоровья и т. д. в физическом понимании, то в психологическом понимании (психологическое насилие) количество таких нарушений прав детей стало даже больше. У нас есть обращения и родителей, и самих детей, которые просят защитить их от киберпреследования, кибербуллинга и т. д. Соответственно, на сегодняшний день актуализируются образовательные программы по формированию информационной гигиены у детей, формированию информационной безопасности и грамотного поведения в сети Интернет.

В период пандемии мы столкнулись и кризисом ответственного родительства. Вот пример обращения от многодетной мамы, которое поступило в мой адрес на четвертой неделе самоизоляции в апреле: «Сегодня, 27.04, за эти дни можно просто сдохнуть: не изменилось ничего. У нас не появились денежные средства и еда, ни одной выплаты, даже самой мизерной, скромной, ничего. Социальный инспектор, который меня слушала, только повторяла: «Ну как вам помочь, как вам помочь». Если честно, я вообще не поняла, в чем их функционал, какая от них польза. На горячей линии по ковиду мне предложили научиться готовить двадцать блюд из картофеля и что-нибудь продать. У меня вопрос, что мне продать: честь, совесть или почки? А что будет со здоровьем, если я одну картошку буду есть? Будет преддиабетное состояние или диабет и куча сопутствующих заболеваний, связанных с нарушением обмена веществ. Дорогой Павел Владимирович, если я не выйду на работу, моя семья умрет и без ковида. Налицо нарушение всех моих гражданских прав и свобод. Мне терять нечего. Видимо, выход один: оденусь в чистое, и вперед».

Конечно, мы незамедлительно, совместно с социальными службами и муниципальной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, выехали по этому сигналу. Понятно, что женщина нуждалась, как это выяснилось, очно в незамедлительной, прежде всего психологической, помощи. Ей не хватало просто обычного, человеческого, и в том числе, профессионального, разговора с психологом. Исходя из этого своеобразного кризиса детско-родительских отношений актуализируются вновь программы, направленные на формирование родительских компетенций, программы родительского образования. В педагогических вузах это должно и может быть одним из важнейших направлений – развитие работы с родителями по формиро-

ванию их психолого-педагогических компетенций. В этом сегодня востребованность и социальная миссия педагогических вузов.

Уверен, что мы справимся с коронакризисом, если мы будем консолидированы, если мы будем солидарны. Если мы будем поступать в духе братства, понимая, что не только наше здоровье важно и нашего ребенка, но и здоровье других окружающих детей. В обществе выросла потребность в человеческом общении и потребность в помогающих профессиях, типа «человек-человек». В этом отношении нам надо вынести уроки на государственном уровне. Правительству Российской Федерации, учредителям государственных вузов в субъектах России, учредителям вузов, например, медицинских, педагогических, культурных и т. д. необходимо понимать, что государственное задание на подготовку студентов таких специальностей, как педагоги, психологи, социальные педагоги, учителя, врачи, медицинские работники среднего звена необходимо увеличивать.

Несомненно, что преодоление коронакризиса связано не только с активными действиями власти в Российской Федерации, а еще и новым импульсом гражданской активности и развитием добровольчества. Сколько локальных инициатив появилось в гражданском обществе по оказанию добрососедской помощи нуждающимся! Гражданское участие – это показатель преодоления кризиса недоверия к власти, сокращение дистанции доверия между обществом и властью.

Мы не можем недооценить роль Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка. Это те институты, которые выступают как раз посредниками, обеспечивая, с одной стороны, баланс государственных интересов, с другой стороны, защищая интересы ребенка, человека перед государством. Уполномоченный по правам ребенка, Уполномоченный по правам человека – это держатели своеобразных гражданских гуманитарных ценностей. Это та гуманитарная площадка, на которой возможен и должен продолжаться диалог даже в непростых ситуациях.